

Я узнал эту сцену. Я бывал в ней достаточно часто.

Я был аутсайдером. Посторонним, который только что убил кого-то из "толпы". Все вокруг ожидали, что я буду мертв, и были потрясены тем, что я не пошел по сценарию. Всеобъемлющая тишина была хрупкой и долго не продержалась. Даже если бы человек-ящерица вызывал всеобщую ненависть, я все равно был интервентом и должен был заплатить за смерть. Если бы я убежал, на меня бы напали. Если бы я остался, на меня бы напали. В любом случае, я был мертвым волшебником.

По крайней мере, такова была общепринятая точка зрения. А я? Я никогда не придерживался общепринятого мнения. Существовали способы отвлечь людей, и очень эффективным способом было рассыпать деньги повсюду. А ящерочеловек выглядел так, словно он играл в азартные игры...

Все еще держась за руку ящера, я закинул ногу вверх и ударил ногой по нижней стороне стола. Тонкое заклинание левитации, за которым последовал банишер, отправило стол в полет, при этом создалось впечатление, что я его перевернул. Полетели сверкающие предметы, диски, карты и пыль. Существа ныряли и хватались за разбросанные ценности, прежде чем те успевали приземлиться.

Из-за внезапного отсутствия внимания ко мне, я сделал свой ход. Я вырвал оружие из мертвой хватки ящера и бросил его, как остывающий мешок мертвого мяса. Я повернулся и протиснулся сквозь наседающую толпу. Быстрое слово активировало несколько защитных глифов, вшитых в мою одежду. Они могли остановить пулю или две из оружия низкого калибра, так что, надеюсь, здесь они будут хотя бы частично эффективны.

Пространство между лопатками тревожно зудело, пока я плыл против течения. Несколько других разумных фигур также отталкивались от центральной давки.

Я был уже на полпути к выходу, когда услышал позади себя нарастающий шум. Крики гнева перешли в крики испуга, а звуки выстрелов из оружия эхом отражались от грохочущей музыки. Не замедляя шага, я повернул голову, готовый в случае необходимости броситься бежать или драться.

Ни в том, ни в другом не было необходимости. Оружие стреляло прямо вверх, оставляя на металлическом потолке следы ожогов и осколки светильников. Десятки пришельцев отважились на опасность и сгруппировались в центре огромной толпы. Почти никто не смотрел в мою сторону. Исключение составляло другое ящероподобное существо, которое уставилось на меня с открытым ртом. Это могло быть удивление, а могло быть и гнев. Или, я полагаю, это могло быть даже вожделение, насколько я мог расшифровать взгляд. Но, учитывая размеры рта, это было очень выразительное выражение.

Я протиснулся к выходу, отчаянно пытаюсь уйти от этой сцены.

Я не успел выучить ни слова из местного жаргона, но, вероятно, уже совершил пару

преступлений. Молодец, Поттер.

Привыкнув к такому дерьму, которое моя жизнь может подкинуть мне в одно мгновение, я не тратил время на то, чтобы ругать свои решения, которые привели меня в это место. Я сосредоточился на том, чтобы убраться оттуда подальше. Это оказалось на удивление легко, учитывая, что вокруг было столько разных видов. Я мог идти по одну сторону от гигантского слизня, когда он прокладывал себе путь сквозь толпу, и быть полностью скрытым от глаз большого процента людей вокруг.

Вместо популярного места я решил пойти другим путем и найти уединенное место. Это было легче сказать, чем сделать, поскольку я стоял посреди самого большого городского пейзажа, в котором когда-либо был, но вокруг было несколько парков и площадей.

Через час или около того я обнаружил промежуток между двумя статуями, где стояло меньше прищельцев, чем обычно. Несколько взмахов моей палочки заставили их вспомнить о каком-то важном поручении, которое им нужно было выполнить, оставив меня практически одного в многомиллионном городе.

Мне нужна была информация. И у меня был особенно эффективный источник.

Я достал Воскрешающий камень. Без большой трещины посередине он работал гораздо лучше, чем старый козел мог даже мечтать. Я никогда не мог точно сказать, почему Дамблдор не попытался починить его с помощью Бузинной палочки; его тень всегда избегала ответа на этот вопрос, а я не хотел обижать столь ценный источник информации, заставляя его задавать этот вопрос. Вполне возможно, что это не сработало бы ни для кого, кроме Мастера Смерти. Также вполне возможно, что Дамблдор просто не подумал об этом. Даже гений иногда упускает из виду очевидные решения.

Я надел кольцо на мизинец и обратился к своему любимому источнику информации: "Альбус Персиваль Вульфрик Брайан Дамблдор из Дома Дамблдоров".

Ничего не произошло. Не было никакой клубящейся тени, складывающейся в знакомую форму снисходительного старика.

Я почувствовал, как участилось сердцебиение, а на лбу выступили бисеринки пота. Раньше тень Дамблдора всегда отвечала на мои вызовы, даже с нетерпением. Старый волшебник всегда с радостью узнавал, как изменился мир, но еще больше ему нравилось читать мне лекции. В основном о том, как он был разочарован моими карьерными решениями. Не получив ответа от полупрозрачного, покровительственного гения, я обратился к следующему варианту. Менее полезному в плане знаний, но гарантированно смешному.

"Сириус Орион Блэк, из древнего и благородного дома Блэков".

И снова ничего.

Я прикусил губу, внезапно сильно занервничав. Несмотря на постоянные, повторяющиеся родительские нотации, которые я получал всякий раз, когда вызывал ее, я называл: "Лили Поттер, из Дома Поттеров". По-прежнему ничего. "Джеймс Поттер, из дома Поттеров". Черт! Римус Джон Люпин. Нимфадора Люпин из древнего и благородного дома Блэков. Ну же, Тонкс! Ты всегда ненавидела это имя. Где ты?"

Я почувствовал внезапную сокрушительную безнадежность. Неужели я был так далеко в будущем, что духи тех, кого я знал при жизни, больше не возвращались? Мы с тенью Дамблдора несколько раз говорили о теоретических ограничениях Камня. Однажды он предположил, что фраза "Мы не ушли, а те, кто нас помнит, остались" на самом деле означает нечто вполне буквальное. Тень человека может быть вызвана только до тех пор, пока живы люди, которые помнят его.

Я помрачнел. Что ж, я только что опроверг эту гипотезу. Я отчетливо помнил старика, но не мог вызвать даже пар.

Я глубоко вздохнул и зарычал, заставив нескольких инопланетян со слухом лучше среднего отпрянуть от меня еще дальше. Поддаваться отчаянию было не в моем стиле. Больше не в моем стиле. Пора было перестать жалеть себя и взять себя в руки. Мне нужно было сделать что-то полезное, что-то продуктивное. Я провел кончиками пальцев по двойному ряду из восемнадцати шишек на поясе. В каждой из них находился маленький небьющийся контейнер с зельем - обычно с одной дозой. С тех пор как я в последний раз пополнял пояс, я использовал четыре зелья: три, пока отслеживал Беллатрису в Шотландии, и зелье для заживления головы полчаса назад.

Я мысленно перечислял названия, пока мой палец прослеживал часть пути вокруг тридцати двух оставшихся флаконов. Я специально подбирал каждое зелье, учитывая их длительный срок действия и полезность во время миссии. Если в моем времени большинство из них было относительно легко (хотя и дорого) заменить, то здесь, в будущем, я понятия не имел, можно ли вообще заменить даже самое простое зелье.

Тем не менее, первой задачей была информация. Мне нужно было знать, где я нахожусь и какой сейчас год. Надеюсь, получив ответы на первый и второй вопросы, я мог бы начать формулировать ответы на третий и четвертый - как я сюда попал и, если это возможно, как, черт возьми, собирался вернуться обратно.

Но характер моих вопросов не имел значения. У меня не было способа задать их. Воскрешающий камень не вызывал духов умерших, так что этот путь для меня был закрыт. Первое, что мне требовалось, - это умение общаться с местными жителями. Мне нужен был переводчик. Я мог вернуться в большой храм со всеми этими ряжеными и надеяться, что они одолжат мне своего робота, а мог заняться приобретением собственного. Свой собственный был бы лучше. Я не знал, сколько времени потребуется, чтобы робот выучил английский.

Я потратил мгновение, чтобы зафиксировать в уме свою потребность в ком-то, кто мог бы меня понять. Я достал из его кожаной сумки зелье цвета расплавленного золота. Я недолго раздумывал над тем, чтобы приберечь его на крайний случай; в конце концов, его было практически невозможно сварить, оно стоило чудовищно дорого и было редким, как разбитая дома нунду.

Но если оказаться в неизвестном городе, в неизвестное время в будущем, где никто не говорит по-английски, не считается чрезвычайной ситуацией, то, возможно, мои ожидания были немного нереалистичными. Я крепко задумался о переводчике; о ком-то (или о чем-то, учитывая, что здесь были роботы), кто мог бы мне помочь. Я поднесла зелье ко рту и проглотила.

Феликс Фелицис начал действовать.

Я сразу же почувствовал, что вновь обрел цель. Это чувство, учитывая мое нынешнее кислое настроение, очень подняло мне настроение. Как и тогда, когда я впервые попробовал зелье, я точно знал, в каком направлении мне нужно идти. Я отправился в путь.

С зельем, направляющим мои шаги, я обошел два здания и поднялся по паре длинных пандусов на совершенно другой уровень города. Он оказался своего рода узлом общественного транспорта, напомнив мне автобусную станцию на вершине станции метро "Хаммерсмит" в Лондоне - если бы летающие поезда были так же распространены, как лондонские автобусы. Но что действительно привлекло мое внимание, так это то, что небоскребы поредели на этой высоте, позволив мне впервые увидеть горизонт без ограничений.

Черт меня побери, если это не был бетон, стекло и сталь от горизонта до горизонта. По сравнению с ними Токио был просто сборищем глинобитных хижин.

В любой другой ситуации я бы нашел время, чтобы остановиться и в должной мере потрястись этим зрелищем. Но хотя зелье удачи, которое я выпил, имело длительный период действия, оно не было безграничным. Я метался вверх и вниз по многочисленным платформам в поисках подходящего поезда.

Вот он. Я запрыгнул в плавучий поезд, сел и стал ждать, когда он отправится. Как только я устроил свой зад на неудобном липком сиденье (до волшебной чистки), я был немного лучше подготовлен к открывшемуся виду. В то время как большинство людей и существ в поезде едва поднимали глаза от своих карманных компьютеров, я смотрел в окно на чудовищный город. Он был великолепен.

Конечно, стерильный, бессердечный и чужой. Но, тем не менее, он был великолепен.

Через несколько минут поезд отправился, проносясь над плотным городским пейзажем со скоростью, которая могла бы обеспокоить, если бы я не был опытным летчиком.

Согласно моим маггловским часам (старомодным швейцарским часам, которые работали на шестеренках и пружинках, а не на батарейках - их было бесконечно легче зачаровать), я пробыл в поезде более трех часов, прежде чем почувствовал необходимость сойти. За это время город не поредел. Качество, размер, стиль и чистота зданий менялись и менялись, но сам город оставался.

Насколько большим было это место? Есть ли у него предел? Мой разум размышлял о возможностях. Насколько большим может стать город, если не ограничивать его ресурсами? Может ли целая страна быть покрыта бетоном и сталью? Континент?

Планету?

Как на Земле (если это все еще имеет смысл, учитывая, что я не видел ни пятнышка грязи с момента прибытия) прокормить всех этих людей?

Я вышел на станции, которая была гораздо более обветшалой, чем моя точка отправления. Я присоединился к толпе в огромном лифте, и мы всей группой опустились к основанию города.

Через тридцать с лишним остановок спуска я вышел на самом нижнем этаже. Я чувствовал близость к своей цели, какое-то тупое, давящее волнение. Я нашел еще один пандус и стал спускаться дальше в глубины города. Чем ниже я спускался, тем меньше становилось людей, хотя давка тел оставалась почти постоянной. Разнообразие жизни поражало воображение, и это для человека, который до полового созревания встречался и разговаривал со змеями, гоблинами, кентаврами, эльфами, гномами и акромантулами.

Моя целеустремленность ненадолго прервалась, когда я прошел мимо потрясающей, стройной, зеленокожей женщины (по крайней мере, я предположил, что это была женщина - ее хорошо очерченные груди были определенным намеком в формировании этой теории), затылок которой был опухшим от ткани, а затем сузился до двух толстых, острых щупалец. Ее одежда явно была скроена так, чтобы демонстрировать ее достоинства, а ее развязность указывала на то, что она не стесняется испытывать самообладание любого находящегося поблизости мужчины.

Зелье в моих венах заставило мое внимание вернуться туда, где оно должно было быть; направив меня к тому, что оказалось очень маленьким, очень узким магазинчиком. Не пропуская ни шагу, я слегка изменила направление к входной двери и толкнула ее.

Как только я вошел, по всему магазину разнеслось эхо грохота, заставив меня напрячься, когда на меня налетел порыв ветра.

Я просканировал планировку магазина за секунду. Вместо обычного метода (ну, обычного человеческого метода) распределения товаров по аккуратным, организованным проходам, этот магазин был расположен вертикально. Я не мог разглядеть крышу узкого здания; с моей точки зрения, стены сливались вместе в какой-то далекой точке вверху. Толстые полки были

завалены металлическими, керамическими и прозрачными компонентами и деталями - некоторые выглядели блестящими и новыми, но большинство - нет. Ошеломляющее множество деталей, труб, балок, компьютеров, частичных и целых роботов, катушек кабелей, инструментов и других неопиcуемых предметов заполняли ближайшие полки до отказа.

Но мое внимание привлек не тот факт, что магазин был вертикальным. А то, что более дюжины существ лазали по полкам, сортируя и доставая различные товары.

Эти существа были удивительно похожи на акромантулов.

Но не совсем. Человек-паук, который, судя по всему, был главным, стоял за прилавком. Он стоял прямо на задней паре ног и был одет, если не сказать больше, в одежду. Каждая нога (рука?) заканчивалась трехпалым придатком. В одной из шести свободных рук явный кладовщик держал какую-то металлическую трость. Он злобно шипел и размахивал тростью, как дубинкой, на одного из многочисленных людей-пауков, прыгающих между дальними полками.

<http://tl.rulate.ru/book/85835/2746195>